

ИСТОРИЯ

УДК 94(4) 375/149

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В «АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ» ФРАГМЕНТАХ СОЧИНЕНИЙ ГРИГОРИЯ ТУРСКОГО

© 2019 г.

Ю.Е. Вершинина

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

VershininaUE@gmail.com

Поступила в редакцию 01.11.2019

Анализируется освещение родственных отношений в «автобиографических» фрагментах сочинений Григория Турского («История франков», «Жития отцов» и др.) с целью уточнить их содержательные и функциональные характеристики, выявить специфику информации о родных и близких церковного писателя на фоне иных коллективов родственников, описываемых им. Предпринята попытка связать отдельные сведения о семье турского епископа с вопросами личной и групповой идентичности, стратегиями репрезентации высшего духовенства в период раннего Средневековья.

Ключевые слова: родство, автобиография, самовосприятие, самоопределение, саморепрезентация, раннее Средневековье, Григорий Турский, «История франков», «Житие отцов», семья.

Родственные связи во все времена играли важную роль в жизни отдельного человека и общества в целом. В традиционных социумах именно родство лежало в основе организации различных сообществ, определяя их структуру, функции и взаимоотношения между членами. Принято считать, что человек раннего Средневековья не мыслил себя вне контекста своих родственных уз, от которых почти всецело зависели его социальное и материальное положение, а также, в большинстве случаев, род занятий, религиозная принадлежность и мировоззрение. Попытка противопоставить себя коллективу могла привести к лишению его поддержки и защиты, что было крайне опасно в условиях неразвитости большинства других социальных институтов. В этой связи люди в основном не стремились каким-либо образом выделиться из коллектива, а рассказать о своих родственниках для них во многом означало рассказать о себе. Поэтому, на наш взгляд, для понимания мировоззрения раннесредневековых авторов большое значение имеет изучение фрагментов, содержащих рассказы не только о них самих, но и об их родственниках и отношениях с ними. Так, для того, чтобы лучше понять взгляды Григория Турского на родство, необходимо рассмотреть изображение им своих близких и отношений с ними, поскольку именно они во многом служили для него эталоном при оценке связей в рамках других родственных коллективов.

В качестве источников для анализа нами будут использованы такие произведения Григория Турского, как «История франков», «Житие отцов», «Семь книг о чудесах», «Книга о чудесах блаженного апостола Андрея» и ряд других¹. Данные произведения относятся к различным жанрам раннесредневековой литературы. Среди них есть исторические нарративы, жития святых, рассказы о чудесах. Это позволит нам составить более полное представление об отношениях Григория Турского с собственными родственниками. При этом необходимо отметить, что нашей целью является не подробный разбор всех сюжетов, в которых упоминаются близкие турского епископа², но выявление их общей смысловой и функциональной нагрузки в контексте конкретных нарративов, а также определение их значимости для саморепрезентации автора.

В этой связи, на наш взгляд, необходимо кратко представить биографию Григория Турского (которая во многом реконструирована на основе сведений, содержащихся в его произведениях), а затем перейти к установлению причин, побудивших писателя включить в свои тексты рассказы о родственниках. Необходимо оговорить, что под «автобиографическими» эпизодами мы понимаем эпизоды, в которых содержатся сведения и суждения церковного автора относительно тех или иных событий его собственной жизни.

Краткая биография Григория Турского

Общепринятой датой рождения Григория Флоренция считается 30 ноября 538/539 г.³. Он появился на свет в знатной галло-римской семье города Клермона. Его отец Флоренций был представителем сенаторской аристократии Оверни (предком рода Флоренциев считается лионский мученик Веттий Эпагит). Не менее знатна была и мать Григория, которая состояла в родстве не только с епископами, но и со светскими чиновниками высокого ранга. Семья будущего епископа была очень богата и обладала значительным политическим весом, поскольку контролировала одни из важнейших галльских епископств в Туре, Лионе и Лангре. Всего у родителей Григория было трое детей: он сам, его старший брат Петр и сестра, имя которой нам не известно.

Отец Григория умер, когда ему было около 10 лет (т.е. приблизительно в 548 г.). Возможно, именно это привело к формированию у него близких отношений с матерью, которая, судя по его же собственным словам, всегда имела на него большое влияние⁴. В детстве он проводил много времени в доме дяди его матери епископа Ницетия Лионского. После смерти отца опеку над ним взял на себя его дядя по отцу – епископ Галл Клермонский. Оба этих его родственника в будущем будут причислены к лику святых, а турский епископ напишет их жития [11, р. 236–240, 240–252]⁵.

Сам Григорий решил присоединиться к церкви под влиянием выздоровления от тяжелой болезни, перенесенной им в подростковом возрасте, излечение от которой он приписывал заступничеству святых [11, р. 220]. По этой причине для завершения образования он был передан под опеку друга его дяди Галла архидиакона, а впоследствии епископа Клермона, Авита (который, возможно, тоже был его дальним родственником) [13, р. 12, п. 18]. Священнослужителем был и старший брат Григория Петр, воспитание которого проходило под руководством их двоюродного дяди Тетрика, епископа Лангра [14, р. 220–221].

Мы не имеем точных сведений о том, когда (вероятно, до 563 г.), где и под руководством кого (вероятно, епископа Клермона Каутина) Григорий прошел посвящение. Остается неизвестным и место его первоначального служения (в качестве вероятного указывается базилика св. Юлиана в Бурже). В период 563–573 гг. он, судя по его собственным словам, много путешествовал по святым местам Оверни, посетил монастырь св. Радегунды в Пуатье. По мнению Хейнцельмана и Дэйли, за это время, благодаря

своему происхождению, богатству, связям и уму, он также сумел стать своим человеком при австразийском дворе, где получил покровительство королевы Брунгильды и короля Сигиберта [1, р. 5; 15, р. 72–73], а также завел дружбу с поэтом Венанцием Фортунатом.

В 573 г. епископ Реймса Эгидий посвятил Григория в епископы города Тура⁶ – центра почитания св. Мартина – главного святого мерovingской Галлии⁷. Епископом этого города он оставался вплоть до своей смерти в 593/594 г. Наряду с выполнением обязанностей, накладываемых на него епископским саном⁸, он также активно участвовал в политической жизни мерovingской Галлии, осуществляя функции посла и советника при королях, заботился о восстановлении и реставрации культовых сооружений своей епархии, строительстве в ней новых церквей, часовен и баптистериев⁹.

Функции «автобиографических» фрагментов в нарративах Григория Турского

Литературное творчество занимало значительное место в жизни Григория Турского. Список своих литературных трудов он приводит в своеобразном «завещании», которое помещает в последней главе «Истории франков» [14, с. 534–537]. Важной отличительной чертой его произведений является наличие в них достаточно большого количества «автобиографических»¹⁰ фрагментов¹¹. Как уже было отмечено, основную часть информации о жизни Григория Турского мы черпаем именно из них, и только незначительное количество сведений может быть извлечено из поэм его друга Венанция Фортуната и переписки между ними.

Подобная особенность произведений турского епископа со временем поставила перед исследователями его жизни и творчества проблему функций автобиографических фрагментов в его произведениях, а именно вопрос о том, было ли целью автора написание собственной автобиографии или мемуаров в рамках созданных им нарративов [19, с. 292]. В настоящее время большинство исследователей сходится во мнении, что Григорий Турский не ставил перед собой подобной задачи [13, р. 8, п. 3]. В качестве основной цели, которую он преследовал при включении сюжетов из собственной жизни или жизни своих родственников, называется иллюстрация тех или иных суждений религиозно-просветительского толка [13, р. 8, п. 3]. Однако подобная трактовка, на наш взгляд, не полностью раскрывает значение, которое сам турский епископ придавал этим эпизодам.

Ключом к пониманию их роли в нарративах Григория Турского может служить тот факт, что в них довольно часто речь идет не о самом писателе, но о его родственниках¹². Они встречаются в большинстве из них. Вплоть до настоящего времени исследователи использовали эту информацию преимущественно в просопографических исследованиях, связанных с турецким епископом; тогда как, на наш взгляд, они могут пролить свет на важные аспекты мировоззрения их автора, в частности, на его представления о семье и переживании родства. Разумеется, установить то, насколько точно и правдиво Григорий Турский изображал взаимоотношения в своем родственном коллективе, не представляется возможным. Скорее, мы можем говорить о том, что композиция и содержание сюжетов, действующими лицами которых являются его родственники, отражают представления автора о том, как передаваемые им события должны были развиваться. Изучение этих представлений имеет большое значение для оценки изображения Григорием Турским родственных отношений героев его нарративов и общего взгляда на отношения родства.

О чем же может говорить столь частое упоминание родственников в автобиографических фрагментах нарративов Григория Турского? С одной стороны, оно может быть связано с представлением об «авторитетности» источника, т.е. источника, содержащего достоверную и ценную информацию [21, с. 153–175], и с общей иерархией источников, существовавшей у средневековых авторов, для которых на первом месте по достоверности были их собственные свидетельства, на втором – те, которые они слышали от свидетелей событий, а на третьем – те, что они прочитали у других авторов [21, с. 91–125]. Вполне естественно, что наиболее достоверными для Григория Турского являются рассказы о событиях, при которых он присутствовал лично или которые слышал от пользующихся его наибольшим доверием людей, служивших ему примером для подражания. А поскольку его жизнь, судя по его собственным рассказам, и до, и после присоединения к церкви была тесно связана с родственным коллективом, многие примеры он брал из жизни собственных родственников.

Другим очевидным выводом является то, что семья и родственные узы играли важную роль в его жизни¹³ и личностном самоопределении, как и у любого другого человека его эпохи, о чем уже шла речь выше. Однако необходимо помнить, что наш автор был не только членом сенаторского рода Флоренциев, но и входил в другую социальную группу – группу священнослужителей. Одним из требований к вступаю-

щим в нее людям был отказ от мирских уз, в том числе кровных, и посвящение своей жизни служению Господу («Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня», Мф. 10:37). В первые века распространения христианства данное положение трактовалось буквально и рассматривалось как программа действий для тех христиан, родственники которых оставались язычниками. После утверждения христианства в качестве господствующей религии его восприятие сместилось в пользу необходимости отказа, прежде всего, клириков от всего мирского, в том числе кровного родства, для того, чтобы полностью посвятить себя служению Богу. На первом месте для священнослужителя должны были быть его духовные братья; родственники же растворялись в массе других христиан. В частности, к VI в. в церкви Галлии постепенно утверждалось требование безбрачия клириков. Дополнительную остроту борьбе мог добавлять в этот период рост популярности монашества во Франкском королевстве, с его более строгим отношением к соблюдению этого условия¹⁴.

Был ли осведомлен Григорий Турский о существовании подобного требования к священнослужителям? Ответ на этот вопрос не вызывает сомнений, поскольку в ряде рассказов о жизни святых в его «Житии отцов» разрыв с близкими родственниками предстает важным испытанием на пути к духовной карьере¹⁵. В то же время анализ его нарративных произведений создает впечатление, что он не упускает возможности подтвердить те или иные свои утверждения сюжетами из жизни своих родственников. Таким образом, мы сталкиваемся с противоречиями в его поведении: с одной стороны, он прославлял святых, которые прервали отношения с родственниками, с другой – сам он открыто демонстрировал прямо противоположное поведение.

Вполне возможно, что турецкий епископ не видел в данной ситуации разногласия. Так, в упомянутом выше «Житии отцов», а также в «Истории франков» содержатся рассказы о клириках, в которых не упомянут разрыв с близкими при принятии сана (хотя в ряде случаев он предполагается)¹⁶. Более того, некоторые из героев, судя по сведениям Григория Турского, продолжали активно контактировать со своими родственниками¹⁷. Так следовало ли, по мнению Григория Турского, священнослужителю поддерживать отношения со своей семьей? И если да – то как должны расцениваться приводимые им (и другими авторами агиографий) сцены расставания с семьей при принятии духовного сана?

Учитывая тот факт, что сюжет о расставании с близкими являлся топомосом житийной литературы, а сами жития представляли собой образцовое описание жизни идеальных с точки зрения христианской морали людей (которые смогли добиться недоступных простым смертным высот благочестия), необходимо помнить, что они служили моделью для подражания, однако полное ее воспроизведение от всех христиан (и даже клириков) не требовалось. Таким образом, отказ от отношений с родственниками был, скорее, позитивным отклоняющимся поведением, а не его нормой. Более того, он не был необходим даже и для всех святых, поскольку Христос требовал отказаться от родства в случае, если отношения с родственниками угрожали спасению души человека. В условиях Галлии в период поздней Античности и раннего Средневековья, где христианство было господствующей религией, конфликт между семьей и церковью в изображении Григория Турского возникал тогда, когда первая препятствовала присоединению к церкви ее члена. Как только эта ситуация разрешалась, даже святой мог продолжить общение с родственниками¹⁸. Таким образом, если отношения с близкими не шли во вред духовному служению клирика (не отвлекали его от обязанностей, не вводили во искушение, не вредили интересам его епархии), то, по мнению Григория Турского, они могли быть продолжены.

Более того, нарративы Григория Турского позволяют предположить, что родственные связи, по его мнению, играли важную роль в деятельности священнослужителей, особенно епископов. По частым упоминаниям сенаторского или «низкого» происхождения последних, можно предположить, что Григорий считал благородство рода одним из важнейших условий надлежащего исполнения епископом своих обязанностей. По всей видимости, подобная точка зрения была основана на существовавшей с периода поздней Античности практике закрепления ряда епископских кафедр за сенаторскими семьями Галлии. Турский диоцез и его кафедра, как и ряд других, с давних пор, по свидетельству самого Григория, контролировались его семьей: «Несчастный не знал, что все епископы, принявшие епископство в Туре, кроме пяти, связаны с моим родом» [2, с. 155]. Анализ автобиографических фрагментов в его произведениях создает впечатление, что он воспринимал свой род в качестве защитника и покровителя Турской епархии, назначенного для этого самим Господом¹⁹. Подобно тому как в прошлом его предки занимали имперские магистратуры и служили императору, в условиях упадка государственной власти они переключились на

службу в христианской церкви [27, с. 57–70]. В этой связи родство выступает необходимым условием исполнения возложенной самим Богом на род миссии. Епископское служение, по видимому, не воспринималось им отдельно от деятельности на благо своей семьи. От подобного симбиоза, по его мнению, выигрывали все участники: сенаторский род получал в свое управление определенные территории²⁰, сохраняя и приумножая богатство и престиж, который, в том числе, использовался на благо церкви²¹. Семья также осуществляла подготовку церковного иерарха, обеспечивая его образование, знакомство с местными обычаями и проблемами, придавая ему высокий статус в светской среде, снабжая полезными социальными связями и контактами, а также контролируя его поведение.

Таким образом, мы можем утверждать, что отношения родства играли важную роль в жизни Григория Турского. Хотя в качестве особого духовного подвига святых им изображался отказ от родственных уз, сам турский епископ не считал такое поведение обязательным ни для всех священнослужителей, ни для всех святых. Если семья не препятствовала желанию человека посвятить себя Богу и не мешала его духовному служению, то разрыв отношений с ней не требовался. Более того, родственные связи были важным фактором епископского служения: в период поздней Античности и раннего Средневековья должность епископа предполагала исполнение преимущественно управленческих функций и обеспечение защиты и благополучия жителей его диоцеза. Это требовало от человека, занимавшего епископскую кафедру, достаточного уровня образования, некоторого опыта подобной деятельности и широких социальных связей. В условиях Галлии VI в. этим требованиям мог отвечать только представитель достаточно знатной и состоятельной семьи, обладавшей весом в местном сообществе. Таким образом, в некотором смысле, происхождение и родственные связи предопределяли, по убеждению Григория Турского, способность человека быть хорошим епископом.

Родство в автобиографических фрагментах: стратегии самоопределения и индивидуализация

В связи с вышесказанным возникает вопрос о возможной двойственности самоопределения турского епископа. Задавался ли наш герой вопросом о том, кем он является прежде всего – членом рода Флоренциев (сыном, братом, дядей, племянником и т.д.) или священнослужителем (епископом города Тура)? На первый

взгляд, представляется вероятным, что родственные связи все же имели для него и его окружения, в том числе для других епископов, первостепенное значение. Так, в сцене суда над ним²², где он действует именно как должностное лицо (епископ), Григорий указывает, что обвинения и клевета выдвигались и против его близких: «после многочисленных злодеяний, которые Левдаст совершил против меня и моих близких [meis]»; «иподиакон Риккульф во время частых и тайных допросов много клеветал на меня и на моих близких [meos]» [2, с. 152–155; 22, р. 259–260]. В обличении Григория Турского со стороны епископа Нанта Феликса также фигурирует и родной брат писателя: «В то время Феликс, епископ города Нанта, написал мне письмо, полное упреков, в котором он сообщал, кроме того, и о том, что мой брат был убит потому, что он, стремясь получить епископство, сам убил епископа» [2, с. 119].

Однако дальнейший анализ нарративов турского епископа, показывает, что вопрос самоопределения не рассматривался им с точки зрения выбора между семьей или церковью. По всей видимости, должность турского епископа, как и епископа Лангра и Лиона, в его глазах была связана с честью рода: некоторые члены его рода занимали эти кафедры, служа при этом Богу и прославляя своими деяниями на благо церкви свой род²³.

В то же время очевидно, что среди собственных родственников на основании различных критериев он выделял несколько групп, степень ассоциации с которыми у него различна. Прежде всего речь идет об их делении на клириков и мирян, при этом турецкий епископ чаще отождествлял себя с первыми. Среди клириков он соотносил себя с теми, которые служили в Туре. Интересно отметить, что эта группа представляет собой своего рода квазиродственное образование, куда включаются не только кровные родственники Григория («все епископы, принявшие епископство в Туре, кроме пяти, связаны с моим родом» [2, с. 155]), но и не связанные с ним родством епископы Тура, а также святые, ассоциированные с городом²⁴. Тридцать первая глава десятой книги «Истории франков» одновременно служит ее эпилогом и кратким «рассказом о себе»: «Хотя мне и казалось уместным рассказать в предыдущих книгах кое-что о епископах Тура, однако ради упорядочения повествования и подсчета епископов я почел нужным вернуться к началу того времени, когда впервые в город Тур пришел проповедник» [2, с. 312]. Рассказывая о турецких епископах, он особо подчеркивает преемственность между ними: почти все они строили и ре-

монтировали церкви и базилики, жертвовали имуществом церкви, обеспечивали епархию мощами и т.д. А учитывая упомянутое родство писателя с большинством из них, подобный рассказ превращается в своего рода «семейную хронику».

С вопросом о самоопределении Григория Турского тесно связана и проблема осознания и переживания им собственной индивидуальности, т.е. осознания уникальности собственного я. Большинство исследователей сходится во мнении, что фрагменты сочинений турецкого епископа, содержащие «рассказ о себе», не обнаруживают попыток самоанализа или демонстрации собственной уникальности [13, р. 30]. Действительно, как уже говорилось выше, Григорий Турский не стремился выделиться на фоне своих родственников. Напротив, он скорее всеми силами старался показать, что он такой же, как они, повторить их путь в мыслях и делах. Даже такую свою уникальную черту, как писательское призвание, он изображал как идущую из семьи и вдохновенную Богом [30, р. 135–136]²⁵.

Все это позволяет предположить, что в жизни Григория Турского не было места конфликту самоопределения. Должность турецкого епископа воспринималась им как часть славы рода Флоренциев (некоторые из его представителей были епископами Тура, другие занимали аналогичные должности в других диоцезах или были священнослужителями более низкого ранга). Однако среди них он, прежде всего, ассоциировал себя с клириками, а среди последних – с турецкими епископами, которые вместе с теми епископами, которые были его кровным родственниками, а также святыми, связанными с епархией, образовывали своего рода квазиродственную группу, первичную для его самоидентификации. При этом Григорий старался максимально полно развить в себе характерные для ее членов черты.

**Идеальное и реальное:
отношения между родственниками
Григория Турского
как образец для подражания**

«Автобиографические» эпизоды, в которых действующими лицами являются родственники самого Григория Турского, помогают восстановить его представления об образцовой семье и взаимоотношениях между родственниками. В качестве эталона он представляет свою семью, отношения в которой строятся на основе взаимной любви, уважения, помощи и поддержки. Каждый ее член знает свое место и исполняет свои обязанности, а конфликты между ними возможны только в результате вмешательства третьих злонамеренных лиц [2, с. 119–120].

Мать Григория – Арментария изображается им как образец материнства: она заботится о его повседневных нуждах, контролирует образование, поддерживает его, прислушивается к его мнению и желаниям [32, р. 322]. Его дядя также представляется в качестве любящих и заботливых родственников [11, р. 242]. Подобный образ ярко контрастирует с тем, как Григорием Турским изображаются отношения в роду франкских королей²⁶.

В связи с этим могут быть заданы несколько вопросов. Насколько типичными были подобные отношения в семье для Галлии VI в.? И не стремился ли он таким образом противопоставить свою семью (или семьи галло-римской знати вообще) семьям германской аристократии или королевской²⁷?

Поиск ответа на первый вопрос возвращает нас к тезису, высказанному итальянским исследователем М. Беттини, который считал, что римская семья имела расширенный характер, а индивид активно взаимодействовал с дядьями и тетками с материнской и отцовской стороны, роль которых в его жизни была различна [35]²⁸. Эти выводы исследователи К. Лас, В. Вуоланто и Дж. Натан распространили и на позднеантичные семьи Галлии [41; 42]. Семья Григория Турского, на первый взгляд, служит подтверждением этой точки зрения: он поддерживал отношения не только с отцом и матерью, братом и сестрой, но и с дядями по матери и отцу, племянницами и мужем одной из них, а также с некоторыми другими родственниками. В жизни его матери также важную роль играли ее дядя, фактически воспитавший ее, и ее дед по отцу [11, р. 238]. С другой стороны, подобные близкие отношения с более дальними родственниками стали результатом особых обстоятельств в жизни семьи Флоренциев, а именно ранней гибелью отца Григория и отца (родителей) его матери [13, р. 19]. Таким образом, по крайней мере присутствие дядьев в их жизни объясняется необходимостью замещения родителя(ей). Их участие в жизни родственников не самоценно, а определяется прежде всего исполнением функций отсутствующих родственников из числа членов нуклеарной семьи. Так, со святым Никетием семья Григория поддерживала достаточно близкие отношения, а его брата – герцога Гундульфа – Григорий Турский не узнал при встрече [2, с. 166]. Определенную роль играл и фактор наследования, т.к. дети братьев и сестер выступали в качестве ближайших преемников для бездетных духовных лиц. Точно так же бездетность толкала франкских королей к усыновлению своих племянников. В частности, одна из племянниц Григория Турского стала монахиней

в монастыре его покровительницы св. Радегунды, чем может объясняться их общение. Вторая дочь его сестры и ее муж, очевидно, должны были унаследовать владения семьи Григория Турского в связи с тем, что и он, и его брат стали клириками. Это обстоятельство также могло способствовать их близкому общению. Таким образом, взаимоотношения с родственниками у Григория Турского строились все же в рамках нуклеарной семьи, вхождение в которую более дальних родственников объяснялось выполнением ими функций умерших близких. Что касается особенностей взаимоотношений в зависимости от стороны родства, на которой настаивал Беттини, то изучение сюжетов с участием родственников турского епископа не подтверждает его гипотезу.

Анализ нарративов Григория Турского с целью поиска ответов на второй вопрос приводит нас к выводу, что автор, хотя и не ставил своей целью создание всеобъемлющей картины жизни идеальной семьи, но, по возможности, использовал примеры из жизни собственных близких как образцы для подражания. Например, рассказывая о конфликте вокруг должности епископа в Лангре, он, во-первых, старается не акцентировать факт родства его участников, поскольку конфликт между родственниками, особенно по такому поводу, есть отклонение в их отношениях. Во-вторых, он изображает своего брата как безусловный образец смирения и послушания старшим. Очевидно, что после смерти епископа Тетрика Петр мог мобилизовать ресурсы семьи и претендовать на его должность. Вместо этого он продвигает кандидатуру своего более старшего родственника (возможно, дяди), что, скорее всего, соответствовало первоначальному плану развития событий, намеченному семьей. Подобное поведение контрастирует с попыткой короля Гунтрамна завладеть королевством малолетнего племянника [2, с. 229] или с поведением герцога Муммола, который отобрал у собственного отца должность графа [2, с. 105]. Учитывая литературные способности Григория Турского, его умение сообщать читателям свое мнение, часто не высказывая его напрямую, стремление навести аудиторию «Истории франков» на определённые выводы не вызывает сомнений [43].

Анализ изображения Григорием отношений между родственниками в собственной семье позволяет предположить некоторую степень их идеализации, которая особенно ярко проявляется при сравнении с представителями семьи Меровингов. Последнее предположение, впрочем, не означает, что автор «Истории франков» стремился возвеличить себя, своих близких,

свой род; либо открыто противопоставлял галло-римскую знать представителям франкской знати. Мы лишь можем утверждать, что таковой была норма отношений между родственниками для Григория Турского и, возможно, для представителей senatorской аристократии Галлии. Однако весьма вероятно, что он желал бы способствовать утверждению подобных представлений во всем сообществе, сложившемся в рамках Франкского королевства к VI в.

На основании вышесказанного мы приходим к выводу, что функции «автобиографических» фрагментов далеко не ограничиваются простой иллюстрацией тех или иных утверждений, приводимых Григорием в его нарративах. Они позволяют ему выразить свое мнение по ряду важнейших социальных и политических проблем, с которыми он сталкивается. Описывая отношения между своими родственниками, турецкий епископ стремился передать свои представления о важности родственных уз для успешного функционирования церкви в Галлии. Эти фрагменты демонстрируют читателю, что Григорий Турский не отделял благополучие своей семьи от благополучия своей епархии, что роль турецких епископов была одним из источников славы рода Флоренциев, наряду с их senatorским происхождением. И хотя Григорий не ставил перед собой цели создать образ идеальной семьи, сюжеты с участием его родственников предоставляют читателям примеры для подражания, доказывая, что даже в семье, наделенной богатством и высоким положением, условием сохранения этого положения не обязательно является пренебрежение узами родства.

Примечания

1. Полный список трудов Григория Турского с указанием на их издания и переводы на английский язык см. в [1, р. X–XI]. На русском языке см. [2–5].

2. В частности, отдельного анализа, на наш взгляд, заслуживает вопрос о том, почему, приводя сюжеты из жизни своих родственников, Григорий не всегда акцентирует факт родства с этими людьми.

3. Называется также дата 543 г. [6, с. 146].

4. Так, Э. Дэйли считает, что почитание реликвий святых и веру в чудеса Григорий Турский перенял у своей матери [1, р. 18–20]. Сам турецкий епископ признавался, что именно мать подвигла его заняться литературным трудом [7, р. 134–135]. См. об этом также в [8, р. 83–86; 9, р. 213–217; 10; 1, р. 20–21].

5. Г. Халлол считает, что целью этих сочинений Григория была защита репутации членов его семьи [12, р. 70].

6. Тур был относительно небольшим городом, но являлся центром митрополии. В подчинении Григория Турского находилось несколько епископов близлежащих епархий. Управление митрополией было

осложнено для него тем, что эти епархии входили в юрисдикцию разных королей из династии Меровингов, которые часто враждовали друг с другом. См. подробнее [16, р. 293–302].

7. Об особенностях взаимоотношений королей из династии Меровингов с культом св. Мартина см., например, [17].

8. Об обязанностях раннесредневекового епископа см., например, в [18].

9. См. об этом [2, с. 317–318].

10. Сообщения с рассказами Григория Турского о себе, событиях своей жизни и жизни своих близких достаточно сложно однозначно классифицировать как автобиографические (т.е. содержащие описание автором своей жизни, размышлений и переживаний, в сочетании с элементами индивидуального самоощущения) или мемуаристические (т.е. просто повествующие о событиях, в которых автор записок принимал участие или которые известны ему от очевидцев, и о людях, с которыми автор мемуаров был знаком). Рассмотрение эпизодов, содержащих четко обозначенное присутствие автора, часто характеризуется дидактической составляющей, которая заставляет рассматривать их, скорее, как автобиографические.

11. Для сравнения: Беда Достопочтенный дает о себе лишь краткую биографическую справку в «Церковной истории народа англос» [19, с. 192]. К автобиографическим относят также эпизод из 23 главы III книги «Церковной истории», героя которого отождествляют с Бедой [19, с. 97–98]. Дэйли, напротив, считает, что Григорий сообщает о себе и своей семье относительно немного [1, р. 3].

12. Список сюжетов с участием родственников Григория Турского см. в [13, р. 8–9].

13. Например, убийца брата Григория Турского понес наказание за свой поступок только в результате кровной мести со стороны родственников другого убитого им человека [22, р. 200–203].

14. Н.Ф. Усков указывает на такое определение монашества, которое блаженный Иероним дал св. Паплину Ноланскому: «Монах значит одинокий» [23, с. 64].

15. Например, св. Луциан после смерти родителей покидает свою жену и семью и уходит в пустыню [11, р. 214]. О св. Галле Григорий Турский пишет, что от служения Богу его не могли отвратить «ни любовь отца, ни нежность матери, ни ласка кормилиц» («dilectio patris, non matris blanditiae, non amor nutriticum») [11, р. 230], ради поступления в монастырь он пренебрег желанием отца женить его на дочери другого сенатора и уехал из дома. Только аббат монастыря, куда он хотел поступить, напомнил ему о необходимости спросить разрешения у отца [11, р. 230]. Св. Патрокол безразлично отнесся к просьбам матери помочь ей после смерти отца и принял постриг [11, р. 252–255]. Св. Фриард «покинув свое скромное жилище, забыв и родителей, и родину, ушел в поисках пустыни, чтобы пребывание в этом мире не воспрепятствовало его стремлению к молитве» («Et egressus ab hospitio suo, oblitus parentes et patriam, heremum petiit, ne in saeculo habitanti impedimentum aliquod de oratione mundi sollicitudo conferret») [11, р. 257]. Схожие описания

поведения святых можно найти и в других ранне-средневековых житиях. Например, авторы житий св. Марцелина и св. Цезария рассказывали, что те покинули родителей ради служения Господу, даже не поставив последних в известность о своем намерении [24, с. 21, 94]. Автор жития Цезария особо подчеркивает, что последний отказался от родителей и родины ради любви к Богу («pro amore regni caelestis non solum parentibus, sed et patriae redderetur extraneus») [24, с. 94]. Св. Колумбан буквально перешагнул через рыдавшую на полу мать, не позволявшую ему уйти в монастырь, и требовал, чтобы она не препятствовала ему [25, р. 67].

16. Так, в рассказах о большей части героев «Жития отцов» напрямую не говорится о прерывании отношений с близкими. См., например, жития святых Иллидия [11, р. 218–222], Авраама [11, р. 222–223], Квинциана [11, р. 223–227], Порциана [11, р. 227–229], Григория [11, р. 236–240], Каллопана [11, р. 259–261], Лупицина [11, р. 265–267], Мартина [11, р. 267–270], Сеноха [11, р. 270–274], Венанция [11, р. 274–277], Урса [11, р. 283–285]. Некоторые родители даже специально готовили своих детей к принятию духовного сана. См., например, жития святых Ницетия Лионского [11, р. 240–252] и Ницетия Трирского [11, р. 277–283]. А некоторые святые, например св. Патрокол, демонстрировали полное отсутствие переживаний по этому поводу [11, р. 253]. Рассказ о св. Аредии в «Истории франков» не содержит подробностей его расставания с семьей, когда он решил присоединиться к церкви, но говорит о возвращении его в родительский дом после смерти отца и старшего брата, хотя к этому времени он уже принял постриг [14, р. 522–525].

17. Епископ Фавст воскресил свою сестру [11, р. 224], сестра и жена епископа Аполлинария (сына Сидония Аполлинария) добились для него епископского сана [11, 224–225]. Св. Галл продолжил общаться с родителями и своим дядей-священником и после принятия духовного сана [11, р. 230–232], в доме епископа Григория проживала его внучка Арментария (мать Григория Турского) и даже с целью исцеления от лихорадки спала в его постели [11, р. 238]. Св. Ницетий Лионский был частью клира его дяди епископа Сацердота, который сделал его своим преемником на епископской кафедре [11, р. 243]. После того как святой стал епископом, он продолжил общаться со своей семьей, в частности с самим Григорием Турским [11, р. 242].

Особенно интересен в этом отношении рассказ о том, как св. Иллидий уже после своей смерти излечил младенца, который, как особо подчеркивает Григорий Турский, оказался внучатым племянником этого святителя: «Puer erat parvulus quasi mensium

decem, qui, ut res veritotis edocuit, ipsius beati abnepos habebatur, gravissime incommodi accensu afficiebatur. Flebat autem illa genitrix non minus obitum parvuli, quam illud quod non fuerat adhuc denuo delibutus baptismatis sacramentis. Denique, consilio habito, beati confessoris adiit tumulum, exponit in pavimento aegrotum, qui nihil aliter quam solo spiritu palpitabat, atque in vigiliis obsecrationibusque coram sepulchro antistitis excubat» [11, р. 221].

18. Например, после того как св. Галл добился от родителей разрешения стать священнослужителем, общение с ними было продолжено. Отношения с другими родственниками, возможно, вообще не прекращались [11, р. 229–23]. В жизни св. Ницетия [11, р. 240–252], как и в жизни самого Григория Турского, подобный конфликт отсутствовал как таковой.

19. Ср. с [26].

20. Например, вестготы опасались, что епископы Волузиан и Вер – предки Григория Турского – передадут Тур под власть франков [14, р. 531]. О родстве Григория с Волузианом и Вером см. в [13, р. 12–18]. Король Хильперик также подозревал, что сам Григорий может передать Тур королю Хильдеберту [22, р. 258–263].

21. См., например, описание деятельности богатых епископов Перпетуя и Волузиана на благо турской епархии [14, р. 529–531].

22. Григорий Турский занял свою епископскую кафедру при поддержке короля Австразии Сигиберта I и его жены Брунгильды. После убийства его покровителя Тур оказался в руках его брата короля Нейстрии Хильперика, с которым Сигиберт вел войну. Новый владелец города с подозрением относился к Григорию и в 580 г. попытался привлечь его к суду по обвинению в заговоре, с целью передать Тур под власть Хильдеберта II, сына Сигиберта [22, р. 258–263].

23. По поводу того, насколько подобное отношение было типичным для аристократических семей Галлии V–VI вв., в настоящее время нет единого мнения [36].

24. Так, Хейнцельман и Вуд указывают, что Григорий Турский часто отзывается о тех или иных святых, географических или культовых объектах как о «наших» и «моих». Например, он достаточно часто называет св. Мартина Турского «Martinus nostre» (см. [13, р. 10; 28, р. 34]). См. также [29, р. 50–81].

25. Описание Григорием Турским результатов собственной деятельности на посту епископа Тура в 31 главе X книги «Истории франков», а также другие автобиографические фрагменты напоминают схему построения житий, выделенную Л. Цепом [31, с. 119].

26. Ср. данные, приведенные в таблице.

27. С семьей Меровингов семью Григория сближают знатность, богатство и наличие контроля над

Таблица

Арментария (мать Григория Турского)	Королева Фредегонда
«И вот однажды, когда ему [Григорию Турскому] стало хуже, температура поднялась выше, чем обычно, так что засомневались, оправится ли он, мать пришла к нему и сказала: “Дорогой мой сын, сегодня у меня будет печальный день, раз у тебя такая высокая температура”» [4, р. 226]	«После этих событий младший сын короля Хильперика, Самсон, заболел дизентерией и лихорадкой и скончался... Мать из страха перед смертью удалила его от себя и хотела погубить. Но так как она не смогла этого сделать, пристыженная королем, то приказала его окрестить» [2, с. 136]

Окончание таблицы

Св. Ницетий (дядя матери Григория Турского)	Короли Хильдеберт и Хлотарь (дядя Теодобальда, Гунгара, Хлодоальда)
«я [Григорий Турский] помню, что в детстве, когда начинал я учиться грамоте и мне шел восьмой год, он велел мне, недостойному, подойти к его кровати, обнял с нежной отцовской любовью» [4, с. 204–205]	«Хильдеберт заметил, что его мать относилась с исключительной любовью к сыновьям Хлодомера... Завидую и боясь, как бы они с помощью королевы не были возведены на королевский трон, он тайно послал к своему брату, королю Хлотарю, вестников со словами: “Наша мать держит у себя сыновей нашего брата и хочет наделить их королевством. Быстрее приезжай в Париж, чтобы, посоветовавшись, решить, что с ними делать, обрезать ли им волосы, чтобы они казались обычными людьми, или лучше убить их и поделить поровну между собой королевство нашего брата”» [2, с. 72]
Петр (брат Григория Турского)	Принц Храмм
«С уходом Мундериха жители Лангра на этот раз попросили себе епископом Сильвестра [дядя Григория Турского и Петра по матери], который был в родстве с нами и с блаженным Тетриком. Попросили же они его, побуждаемые моим братом. Между тем когда блаженный Тетрик скончался, Сильвестр, после того как у него на голове выстригли тонзуру, был рукоположен в пресвитеры, и он получил всю власть над церковным имуществом» [2, с. 120]	«В то время Храмм... заключил с Хильдебертом [дядей] союз на верность и любовь и поклялся в том, что он самый злейший враг своему отцу» [2, с. 92]

определенной территорией, что у первых неизбежно ведет к конфликтам между членами семьи.

28. Критику его выводов см. в [37–40].

Список литературы

1. Dailey E.T. *Queens, Consorts, Concubines: Gregory of Tours and Women of the Merovingian Elite*. Leiden-Boston: Brill, 2015. 202 p.
2. Григорий Турский. История франков / Пер. с лат. и коммент. В.Д. Савуковой. М.: Наука, 1987. 462 с.
3. Григорий Турский. Книга о чудесах блаженного апостола Андрея / Пер. с лат. М.А. Тимофеева // Альфа и Омега. 1999. № 3(21). С. 214–242.
4. Григорий Турский. Житие отцов / Пер. с лат. иеромонаха Серафима Роуза. М.: Русский паломник, 2007. 413 с.
5. Григорий Турский. Расчет движения звезд / Пер. с лат. Ю.А. Ефремовой // Средние века. 2010. Вып. 71 (3-4). С. 157–175.
6. Ефремова Ю.А. Трактат Григория Турского «Расчет движения звезд» как исторический источник // Средние века. 2010. Вып. 71 (3-4). С. 145–157.
7. Gregorius Episcopi Turonensis. *De virtutibus sancti Martini episcopi* // MGH SS rer. Merov. (Monumenta Germaniae Historica Scriptores rerum Merovingicarum) / Hrsg. von B. Krusch. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1885. V.1.2. P. 134–211.
8. Moreira I. *Dreams, Visions, and Spiritual Authority in Merovingian Gaul*. Ithaca: Catholic University Press, 2000. 262 p.
9. de Nie G. *Views from a Many-Windowed Tower: Studies of Imagination in the Works of Gregory of Tours*. Amsterdam: Rodopi, 1987. 347 p.
10. Mathisen R.W. *The Family of Georgius Florentius Gregorius and the Bishop of Tours* // *Medievalia et Humanistica*. 1984. No. 48. P. 83–95.
11. Gregorii Episcopi Turonensis. *Liber Vitae Patrum* // MGH SS rer. Merov. / Hrsg. von B. Krusch. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1885. V.1.2. P. 211–294.
12. Halsall G. *The Sources and their Interpretation* // *The New Cambridge Medieval History*. 2005. Vol. 1. Ed. by P. Fouracre. Cambridge: Cambridge University Press. P. 56–92.
13. Heinzlmann M. *Gregory of Tours: The Elements of a Biography* // *A Companion to Gregory of Tours* / Ed. by A.C. Murray. Leiden-Boston: Brill, 2015. P. 7–34.
14. Gregorii Episcopi Turonensis. *Historiarum Libri X* // MGH SS rer. Merov. / Hrsg. von B. Krusch et W. Levison. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1951. V.1.1. P. 1–537.
15. Heinzlmann M. *Bischof und Herrschaft vom spatantiken Gallien bis zu den karolingischen Hausmeiern: Die institutionellen Grundlagen* // *Herrschaft und Kirche: Beiträge zur Entstehung und Wirkungsweise episkopaler und monastischer Organisationsformen* / Ed. by F. Prinz. Stuttgart: Hiersmann, 1988. P. 23–82.
16. Pietri L. *La ville de Tours du IVe au VIe siècle: naissance d'une cité chrétienne*. Rome: Ecole française de Rome, 1983. 853 p.
17. Van Dam R. *Merovingian Gaul and the Frankish Conquests* // *The New Cambridge Medieval History*. Vol. 1 / Ed. by P. Fouracre. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 193–231.
18. Kaiser R. *Bischofsherrschaft zwischen Königtum und Fürstenmacht. Studien zur bischöflichen Stadtherrschaft im westfränkisch-französischen Reich im*

frühen und hohen Mittelalter. Bonn: Röhrscheid, 1981. 710 p.

19. Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / Пер. с лат. В.В. Эрлихмана. СПб.: Алетейя, 2003. 363 с.

20. Berschin W. Von der *Passio Perpetuae* zu den *Dialogi Gregors des Großen* // Biographie und Epochenstil im lateinischen Mittelalter. Stuttgart: Hiersemann, 1986.

21. Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада / Пер. с фр. Е.В. Баевской, Э.М. Береговской; Отв. ред. И.И. Соколова. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

22. Gregorii Episcopi Turonensis Historiarum Libri X // MGH SS rer. Merov. / Hrsg. von B. Krusch et W. Levison. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1951. V.1.1. P. 1–537.

23. Усков Н.Ф. Христианство и монашество в Западной Европе раннего Средневековья. Германские земли III–середины XI в. СПб.: Алетейя, 2001. 506 с.

24. Раннехристианские жития галльских святых / Пер. с латинского, исследования и комментарии А.В. Банникова, А.И. Каспарова, О.В. Пржигодзкой. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2016. 278 с.

25. Vita Columbani // MGH SS rer. Merov. / Hrsg. von B. Krusch et W. Levison. Hannoverae et Lipsiae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1902. V. IV. P. 1–112.

26. Pauli Gesta episcoporum Mettensium // MGH SS rer. Lang. (Monumenta Germaniae Historica Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum) / Ed. by G.H. Pertz. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1829. V. 2. P. 261–270.

27. Шилина С.В. Позднеримский нобилитет и региональная культурная элита латинского Запада во второй половине IV – первой половине VI вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Белгород: БелГУ, 2019. 196 с.

28. Wood I. Individuality of Gregory of Tours // The World of Gregory of Tours / Ed. by K. Mitchell and Ian Wood. Leiden-Boston: Brill, 2002. P. 29–46.

29. Van Dam R. Saints and Their Miracles in Late Antique Gaul. Princeton: Princeton University Press, 1993. 360 p.

30. Gregorii Episcopi Turonensis. Libri I-IV de Mirtutibus Sancti Martini Episcopi // MGH SS rer. Merov. / Hrsg. von B. Krusch. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1885. V.1.2. P. 134–211.

31. Арнаутова Ю.Е. Житие как духовная биография: к вопросу о «типическом» и «индивидуальном» в латинской агиографии // История через личность: Историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Квадрига, 2010. С. 113–138.

32. Gregorii Episcopi Turonensis. Liber in Gloria Confessorum // MGH SS rer. Merov. / Hrsg. von B. Krusch. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1885. V. 1.2. P. 294–370.

33. Григорий Турский. О славе мучеников / Пер. с лат. Е. Малюты [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Turskij/o-sla-ve-muchenikov/.

34. Gregorii Episcopi Turonensis. Liber in Gloria martyrum // MGH SS rer. Merov. / Hrsg. von B. Krusch. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1885. V.1.2. P. 34–111.

35. Bettini M. Anthropology and Roman Culture. Kinship, Time, Images of the Soul / Transl. from Italian by J. Van Sickle. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1991. 334 p.

36. Patzold S. Bischöfe, soziale Herkunft und die Organisation lokaler Herrschaft um 500 // Chlodwigs Welt. Organisation von Herrschaft um 500 / Hrsg. von M. Meier, S. Patzold. Stuttgart: Franz Steiner, 2014. S. 523–543.

37. Saller R.P. Roman Kinship: Structure and Sentiment // The Roman Family in Italy. Status, Sentiment, Space / Ed. by B.P. Weaver. N.Y.: Oxford University Press, 1997. P. 7–34.

38. Dixon S. [Rev.:] Maurizio Bettini. Anthropology and Roman Culture: Kinship, Time, Images of the Soul / Transl. by J. Van Sickle. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1991. 334 p. // Echos du monde classique: Classical Views. 1993. Vol. 37. № 1. P. 85–88.

39. Treggiari S. [Rev.:] Maurizio Bettini. Anthropology and Roman Culture: Kinship, Time, Images of the Soul. Transl. by J. Van Sickle. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1991. 334 p. // Phoenix. 1993. Vol. 47. № 3. P. 274–276.

40. Bradley K. Review article: writing the history of the Roman Family // Classical Philology. Vol. 88. 1993. № 3. P. 237–50.

41. Nathan G.S. Extended Family in the Experiences of Ausonius and Libanius // Mediterranean Families in Antiquity: Households, Extended Families, and Domestic Space / Ed. by S.R. Huebner, G. Nathan. Chichester: John Wiley&Sons, 2017. P. 243–246.

42. Laes Ch., Vuolanto V. Household and Family Dynamics in Late Antique Southern Gaul // Mediterranean Families in Antiquity: Households, Extended Families, and Domestic Space / Ed. by S.R. Huebner, G. Nathan. Chichester: John Wiley&Sons, 2017. P. 58–282.

43. Thürlemann F. Felix Thürlemann, Der historische Diskurs bei Gregor von Tours: Topoi und Wirklichkeit (Bern: Lang, 1974): Topoi und Wirklichkeit. Bern: Lang, 1974. 132 s.

REPRESENTATION OF KINSHIP IN «AUTOBIOGRAPHICAL» PIECES OF GREGORY OF TOURS' NARRATIVES

Yu.E. Vershinina

The author analyzes the representation of kinship relations in «autobiographical» pieces of Gregory of Tours' writings («History of the Franks», «Life of the Fathers», etc.), with the aim to clarify their expressive and functional features. Specific nature of evidence about the ecclesiastical writer's own relatives are displayed in the light of data concerning kindred ties of other characters of «History of the Franks», «Life of the Fathers» and other works of the Bishop of Tours. An attempt is made to discern the particular aspects of self-perception, as well as strategies of self-determination and self-representation that Gregory of Tours employed.

Keywords: kinship, autobiography, self-perception, self-determination, self-representation, Early Middle Ages, Gregory of Tours, History of the Franks, Life of the Fathers, family.

References

1. Dailey E.T. *Queens, Consorts, Concubines: Gregory of Tours and Women of the Merovingian Elite*. Leiden-Boston: Brill, 2015. 202 p.
2. Grigorij Turskij. *Istoriya frankov / Per. s lat. i komment. V.D. Savukovoj. M.: Nauka, 1987. 462 s.*
3. Grigorij Turskij. *Kniga o chudesah blazhennogo apostola Andrey a / Per. s lat. M.A. Timofeeva // Al'fa i Omega. 1999. № 3(21). S. 214–242.*
4. Grigorij Turskij. *Zhitie otcov / Per. s lat. ieromonaha Serafima Rouza. M.: Russkij palomnik, 2007. 413 s.*
5. Grigorij Turskij. *Raschet dvizheniya zvezd / Per. s lat. Yu.A. Efremovoj // Srednie veka. 2010. Vyp. 71 (3-4). S. 157–175.*
6. Efremova Yu.A. *Traktat Grigoriya Turskogo «Raschet dvizheniya zvezd» kak istoricheskij istochnik // Srednie veka. 2010. Vyp. 71 (3-4). S. 145–157.*
7. Gregorius Episcopi Turonensis. *De virtutibus sancti Martini episcopi // MGH SS rer. Merov (Monumenta Germaniae Historica Scriptores rerum Merovingicarum) / Hrsg. von B. Krusch. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1885. V.1.2. P. 134–211.*
8. Moreira I. *Dreams, Visions, and Spiritual Authority in Merovingian Gaul*. Ithaca: Catholic University Press, 2000. 262 p.
9. de Nie G. *Views from a Many-Windowed Tower: Studies of Imagination in the Works of Gregory of Tours*. Amsterdam: Rodopi, 1987. 347 p.
10. Mathisen R.W. *The Family of Georgius Florentius Gregorius and the Bishop of Tours // Medievalia et Humanistica. 1984. No. 48. P. 83–95.*
11. Gregorii Episcopi Turonensis. *Liber Vitae Patrum // MGH SS rer. Merov. / Hrsg. von B. Krusch. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1885. V.1.2. P. 211–294.*
12. Halsall G. *The Sources and their Interpretation // The New Cambridge Medieval History. 2005. Vol. 1. Ed. by P. Fouracre. Cambridge: Cambridge University Press. P. 56–92.*
13. Heinzelmann M. *Gregory of Tours: The Elements of a Biography // A Companion to Gregory of Tours / Ed. by A.C. Murray. Leiden-Boston: Brill, 2015. P. 7–34.*
14. Gregorii Episcopi Turonensis. *Historiarum Libri X // MGH SS rer. Merov. / Hrsg. von B. Krusch et W. Levison. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1951. V.1.1. P. 1–537.*
15. Heinzelmann M. *Bischof und Herrschaft vom spatantiken Gallien bis zu den karloingischen Hausmeiern: Die institutionellen Grundlagen // Herrschaft und Kirche: Beiträge zur Entstehung und Wirkungsweise episkopaler und monastischer Organisationsformen / Ed. by F. Prinz. Stuttgart: Hiersmann, 1988. P. 23–82.*
16. Pietri L. *La ville de Tours du IVe au VIe siècle: naissance d'une cité chrétienne*. Rome: Ecole française de Rome, 1983. 853 p.
17. Van Dam R. *Merovingian Gaul and the Frankish Conquests // The New Cambridge Medieval History. Vol. 1 / Ed. by P. Fouracre. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 193–231.*
18. Kaiser R. *Bischofsherrschaft zwischen Königtum und Fürstenmacht. Studien zur bischöflichen Stadtherrschaft im westfränkisch-französischen Reich im frühen und hohen Mittelalter*. Bonn: Röhrscheid, 1981. 710 p.
19. Beda Dostopochtennyj. *Cerkovnaya istoriya naroda anglov / Per. s lat. V.V. Erlihmana. SPb.: Aletejya, 2003. 363 s.*
20. Berschin W. *Von der Passio Perpetuae zu den Dialogi Gregors des Großen // Biographie und Epochentstil im lateinischen Mittelalter*. Stuttgart: Hiersemann, 1986.
21. Gene B. *Istoriya i istoricheskaya kul'tura srednevekovogo Zapada / Per. s fr. E.V. Baevskoj, E.M. Beregovskoj; Ot v. red. I.I. Sokolova. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2002. 496 s.*
22. Gregorii Episcopi Turonensis *Historiarum Libri X // MGH SS rer. Merov. / Hrsg. von B. Krusch et W. Levison. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1951. V.1.1. P. 1–537.*
23. Uskov N.F. *Hristianstvo i monashestvo v Zapadnoj Evrope rannego Srednevekov'ya. Germanskie zemli II/III – serediny XI v. SPb.: Aletejya, 2001. 506 s.*
24. *Rannekhristianskie zhitiya gall'skih svyatyh / Per. s latinskogo, issledovaniya i kommentarii A.V. Bannikova, A.I. Kasparova, O.V. Przhigodskoj. SPb.: EVRAZIYA, 2016. 278 s.*
25. *Vita Columbani // MGH SS rer. Merov. / Hrsg. von B. Krusch et W. Levison. Hannoverae et Lipsiae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1902. V. IV. P. 1–112.*
26. *Pauli Gesta episcoporum Mettensium // MGH SS rer. Lang. (Monumenta Germaniae Historica Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum) / Ed. by G.H. Pertz. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1829. V. 2. P. 261–270.*
27. Shilina S.V. *Pozdnerimskij nobilitet i regional'naya kul'turnaya elita latinskogo Zapada vo vtoroj polovine IV – pervoj polovine VI vv.: Dis. ... kand. ist. nauk. Belgorod: BelGU, 2019. 196 s.*
28. Wood I. *Individuality of Gregory of Tours // The World of Gregory of Tours / Ed. by K. Mitchell and Ian Wood. Leiden-Boston: Brill, 2002. P. 29–46.*
29. Van Dam R. *Saints and Their Miracles in Late Antique Gaul*. Princeton: Princeton University Press, 1993. 360 p.
30. Gregorii Episcopi Turonensis. *Libri I-IV de Mirtutibus Sancti Martini Episcopi // MGH SS rer. Merov. / Hrsg. von B. Krusch. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1885. V.1.2. P. 134–211.*
31. Arnautova Yu.E. *Zhitie kak duhovnaya biografiya: k voprosu o «tipicheskom» i «individual'nom» v latinskoj agiografii // Istoriya cherez lichnost': Istoriicheskaya biografiya segodnya / Pod red. L.P. Repinoy. M.: Kvadruga, 2010. S. 113–138.*
32. Gregorii Episcopi Turonensis. *Liber in Gloria Confessorum // MGH SS rer. Merov. / Hrsg. von B. Krusch. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1885. V. 1.2. P. 294–370.*
33. Grigorij Turskij. *O slave muchenikov / Per. s lat. E. Malyuty [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Turskij/o-slave-muchenikov/.*

34. Gregorii Episcopi Turonensis. Liber in Gloria martyrum // MGH SS rer. Merov. / Hrsg. von B. Krusch. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1885. V.1.2. P. 34–111.
35. Bettini M. *Anthropology and Roman Culture. Kinship, Time, Images of the Soul* / Transl. from Italian by J. Van Sickle. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1991. 334 p.
36. Patzold S. Bischöfe, soziale Herkunft und die Organisation lokaler Herrschaft um 500 // Chlodwigs Welt. Organisation von Herrschaft um 500 / Hrsg. von M. Meier, S. Patzold. Stuttgart: Franz Steiner, 2014. S. 523–543.
37. Saller R.P. *Roman Kinship: Structure and Sentiment* // *The Roman Family in Italy. Status, Sentiment, Space* / Ed. by B.P. Weaver. N.Y.: Oxford University Press, 1997. P. 7–34.
38. Dixon S. [Rev.:] Maurizio Bettini. *Anthropology and Roman Culture: Kinship, Time, Images of the Soul* / Transl. by J. Van Sickle. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1991. 334 p. // *Echos du monde classique: Classical Views*. 1993. Vol. 37. № 1. P. 85–88.
39. Treggiari S. [Rev.:] Maurizio Bettini. *Anthropology and Roman Culture: Kinship, Time, Images of the Soul*. Transl. by J. Van Sickle. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1991. 334 p. // *Phoenix*. 1993. Vol. 47. № 3. P. 274–276.
40. Bradley K. Review article: writing the history of the Roman Family // *Classical Philology*. Vol. 88. 1993. № 3. P. 237–50.
41. Nathan G.S. *Extended Family in the Experiences of Ausonius and Libanius* // *Mediterranean Families in Antiquity: Households, Extended Families, and Domestic Space* / Ed. by S.R. Huebner, G. Nathan. Chichester: John Wiley&Sons, 2017. P. 243–246.
42. Laes Ch., Vuolanto V. *Household and Family Dynamics in Late Antique Southern Gaul* // *Mediterranean Families in Antiquity: Households, Extended Families, and Domestic Space* / Ed. by S.R. Huebner, G. Nathan. Chichester: John Wiley&Sons, 2017. P. 58–282.
43. Thürlemann F. Felix Thürlemann, *Der historische Diskurs bei Gregor von Tours: Topoi und Wirklichkeit* (Bern: Lang, 1974): *Topoi und Wirklichkeit*. Bern: Lang, 1974. 132 s.